

Продолжение.
Начало в "РМ" №4173.

1931-1935 годы. Письма наверх

Одиозность фамилии Булгакова вызвала к жизни документ, чрезвычайно характерный для МХАТ: записку Станиславского на просьбу Булгакова зачислить его "помимо режиссерства также и в актеры Художественного театра". На решение этого глобального вопроса ушел месяц. "Одобрено, согласен, — пишет К. Станиславский и продолжает: — *Говорил по этому поводу с Андр. Серг. Бубновым. Он ничего не имеет против*". У себя в театре мировой знаменитости приходится испрашивать разрешение на то, что в парике на сцену иногда выйдет Булгаков, с написанными и утвержденными словами...

С другой стороны, раз нарком "ничего не имеет против", значит, Булгаков "допущен к госслужению" (по выражению Горького).

В 1931 году, обнадеженный звонком Сталина, Булгаков затевает 7-летнюю переписку с ним, надеясь на возможность телефонного разговора...

Считается, что Сталин так ни разу и не ответил писателю — ни письмом, ни повторным звонком. Действительно, в том понимании диалога, на который рассчитывал Булгаков, продолжения не было. Но, как мне кажется, в том понимании диалога, который избрал Сталин, обмен "делами" состоялся...

В архиве Булгакова сохранилось два письма 1931 года: озаглавленный "Генеральному секретарю" — фрагмент, очень короткий, датируемый началом года с эпиграфом из Некрасова; и почти полный текст, датированный 30 мая, с вступлением из Гоголя...

Вероятно, первый отрывок — начальный вариант второго. Нет уверенности, что отправлен был "второй" в полном соответствии с копией в архиве писателя. Нет ясности, доходили ли до Сталина письма, не снабженные сопроводительной ОГПУ и распиской... Были ли на них резолюции?

Бросается в глаза излишняя "художественность" текстов и большой объем второго варианта, оправданный ситуацией 1929-1930 гг. (в письме правительству от 28 марта 1930 года), которая отличалась от ситуации 1931 года — по крайней мере внешне. Мало того, повторная просьба о выезде за границу с женой сопровождается уверениями и клятвами:

"Как воспою мою страну — СССР?..

Но, заканчивая письмо, хочу сказать вам, Иосиф Виссарионович, что писательское мое мечтание заключается в том,

Художник и власть. Частный случай

Политбюро ЦК ВКП(б) и Михаил Булгаков

чтобы быть вызванным лично к Вам..."

У нас нет никаких оснований подозревать Булгакова в неискренности. Но это и страшно. Гениальный писатель и умный и мужественный человек, в своем письме 1931 года очень точно пишет свой психологический портрет. Не он один так думал и чувствовал в то время...

Ответ со стороны Сталина был. И весьма существенный. Заграница была Булгакову "заказана" навсегда. Не умею читать в сердцах, а документами не располагаю. Не знаю в точности — почему?..

Но: в октябре 1931 года разрешен "Мольер", запрещенный весной 1930-го; возобновлены на сцене МХАТ, по прямому пожеланию Сталина (весна 1932 года) "Дни Турбиных; пошли там же, во МХАТ, "Мертвые души". Это ли не ответ?..

Помог Горький? Вероятно. Но, быть может, лишь в качестве ретранслятора просьб Булгакова, а не в качестве вершителя судеб...

Весной 1934 года делается новая попытка. Аргументы за то, чтобы с писателем ехала жена (другая), остались прежние: переутомление, желание провести поездку с творческим результатом...

Хамски-иезуитский способ отказа имел своей целью если не угробить Булгакова совсем, то по крайней мере надолго вывести его из строя. Кто и как конкретно осуществил эту "операцию", не знаю. Но думаю, что следы работы "специалистов по Булгакову" в архивах остались и еще будут найдены...

Горжусь тем, что нашел письмо писателя Сталину, лежавшее на виду, в Пушкинском доме, но прочитанное невнимательно: оно считалось идентичным копии, хранившейся в "Ленинке". На самом деле там — черновик от 10 июня, а отправлено было то, что помечено 11 июля 1934 года. Привожу его полностью; мною оно было уже опубликовано в ленинградской газете "Невское время" (черновик — в книге "Письма")

Две "сопроводилки".

Расписка

Два письма 1) на имя Секретариата т. Сталина;

2) на имя тов. Сталина от М.А. Булгакова получил 11 июня 1934 г.

(Штамп и подпись).

В Секретариат тов. Сталина
От драматурга и режиссера
МХАТ СССР имени Горького
М.А. Булгакова.

Прошу не отказать в любезности предлагаемое при этом письмо вручить товарищу Сталину.

Москва, 11 июня 1934 г.

Москва, 19, Нащокинский п. 3,

кв. 44, тел. 58-67.

С 14 июня по 15 июля — Ленинград.

Гастроли "Дней Турбиных". МХАТ.

Ленинград, гостиница "Астория"

Михаил Булгаков и Елена Булгакова. Апрель 1935.

Товарищу Сталину.

от драматурга и режиссера
МХАТ СССР имени Горького
Михаила Афанасьевича
Булгакова.

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Разрешите мне сообщить Вам о том, что со мною произошло.

1.

В конце апреля этого года мною было направлено Председателю Правительственной Комиссии, управляющей Художественным Театром, заявление, в котором я испрашивал разрешение на двухмесячную поездку за границу в сопровождении моей жены Елены Сергеевны Булгаковой, а также разрешение обменять советскую валюту на иностранную в количестве, которое будет

найдено нужным для поездки.

В заявлении была указана цель моей поездки — сочинение книги о путешествии по Западной Европе и кратковременное лечение на юге Франции.

Так как я действительно страдаю истощением нервной системы, связанным с боязнью одиночества, то я и просил о разрешении моей жене сопровождать меня с тем, чтобы она оставила здесь на время поездки находящегося на моем иждивении и воспитании моего семилетнего пасынка.

Отправив заявление, я стал ожидать одного из двух ответов, то есть разрешения на поездку или отказа в ней, считая, что третьего быть не может.

Однако произошло то, чего я не предвидел, то есть третье.

17 мая мне позвонили по телефону (я не спросил, кто это был), справляясь о том, подавал ли я заявление о заграничной поездке.

На мой утвердительный ответ мне предложено было отправиться в ИНО Мособлисполкома для заполнения анкет моей и моей жены.

В тот же день в ИНО у меня были приняты анкеты с фотографическими карточками и заявление о том, что я прошу разрешения обменять советскую валюту на иностранную в размере шестисот долларов на двоих.

При этом мне было сообщено, что паспорта мы получим в самом скором времени, так как на этот счет есть распоряжение, и что даже я мог бы их получить в тот же день, если бы явился пораньше.

В дальнейшем ответ о паспортах откладывался со дня на день, причем из осторожности я вторично справился, действительно ли обо мне есть распоряжение, не ослышался ли я?

И вторично мне было подтверждено, что такое распоряжение есть.

После этого у меня отпали какие бы то ни было сомнения в моей поездке.

2.

Я подавал свое заявление отдельно от Театра, но Театр любезно включил меня и жену в список тех артистов и служащих Театра, которые должны были получить заграничные паспорта.

7-го июня курьер МХАТ привез паспорта для тех, кто о них просил, а обо мне и моей жене сообщил, что нам в паспортах отказано.

На другой же день это было подтверждено обычной справкой о том, что гр-ну М.А. Булгакову в выдаче разрешения на право выезда за границу отказано.

3.

Совершенно подавленный, я ничего не понял в происшедшем кроме того, что я попал в тягостное положение.

4.

Непрерывно обдумывая в течение трех дней все непонятное, что произошло в ИНО, я пришел к заключению, что я не могу надеяться получить разрешение на заграничную поездку так просто, как это могут делать мои товарищи по работе в МХАТ.

Единственной причиной этого, как я предполагаю, может быть только одна: не существует ли в органах, контролируемых заграничные поездки, предположение, что я, отправившись в кратковременное путешествие, останусь за границей навсегда?

Если это так, то я, принимая на себя ответственность за свои слова, сообщаю Вам, что предположение это не покоит ни на каком, даже призрачном, фундаменте.

Я не говорю уже о том, что для того, чтобы удалиться за границу после обманного заявления мне надлежит разлучить мою жену с ребенком, ее самое поставить этим в ужасное положение, разрушить жизнь моей семьи, своими руками разгромить свой репертуар в Художественном Театре, ославить себя — и, главное, — все это неизвестно зачем.

Здесь важно другое: я не могу постичь, зачем мне, обращающемуся к Правительству с важным для меня заявлением, надлежит непременно помещать в нем ложные сведения?

Я не понимаю, зачем, замыслив что-нибудь одно, испрашивать другое?

И тому, что я этого не понимаю, у меня есть доказательство.

Именно я четыре года тому назад об-

ращался к Правительству с заявлением, в котором испрашивал или разрешения выехать из Союза бессрочно, или разрешения вступить на службу в МХАТ.

Задумав тогда бессрочный отъезд, под влиянием моих личных писательских обстоятельств, я не писал о двухмесячной поездке.

Ныне же, в 1934-м году, задумав кратковременную поездку, я и прошу о ней.

5.

У меня нет ни гарантий, ни поручительств.

Я обращаюсь к Вам с просьбой о пересмотре моего дела — о поездке с моей женой во Францию и Италию для сочинения книги, на срок времени со второй половины июля по сентябрь этого года.

Москва, 11 июня 1934 года.

Постоянный адрес: Москва, 19,

Нащокинский п. 3, кв. 44, тел. 58-67.

Временный (с 14 июня по 15 июля):

Ленинград. Гастроли "Дней Турбиных".

МХАТ. Гостиница "Астория".

Это письмо гораздо менее "художественное", чем его черновой вариант от 10 июня. Нет диалогов в ИНО и т.п., строже по общему тону и не просит о "заступничестве"... Оно написано не растерявшись от неожиданной и незаслуженной обиды человеком, а человеком, вновь вернувшим себе чувство собственного достоинства, знающим себе цену.

Можно предположить, что Булгаков "осмелел" после того, как Сталин, побывав во МХАТ, спрашивал о нем: "...работает ли в театре?"

Егоров, рассказавший это Елене Сергеевне, добавил:

" — Я вам, Е.С., ручаюсь, что среди членов правительства считают, что лучшая пьеса — это "Дни Турбиных".

Вообще держался так, что можно думать (при его подлости), что было сказано что-то хорошее о Булгакове" (дневник Е.С. Булгаковой).

Это и был "диалог по товарищу Сталину". Опять отличная подпитка общественного мнения. Кроме того, действительно среди огромного количества государственного масштаба дел помнил и спрашивал... В то время!

И внутри Союза Булгакова, по советским стандартам, держат "на длинном поводке". Он ведет переписку с заграницей, деловую и личную; бывает в гостях у иностранцев, знаком с послами, принимает иностранцев у себя. Все это вещи, невозможные для советского человека...

Не зря народ прозвал Сталина хозяином. В своем хозяйстве, стране, окутанной сетью осведомителей и партийной дисциплиной для тех, кто не стучит постоянно, была категория людей "витринных". И Булгаков помимо своей воли попал в эту категорию. Хотел он то или не хотел, но его образ жизни демонстрировал окружающим торжество свободы и демократии в СССР. Правда, уже с 1929-1930 гг.: "...страх смерти, одиночества, пространства, бояться по улицам ходить один, без сопровождающего..."

И разговор с Егоровым у Елены Сергеевны состоялся потому, что она пришла в театр за М.А., проводить его до дома... А заграничных вояжей Булгаков, видимо, не заслужил. Стремление "воспеть свою страну — СССР" никак не воплотилось в спектакли типа "Незабываемый 1919-й", романы типа "Хлеб" и т.п. А кто ему мешал?

Осенью 1934 года и весной 1935-го парторг МХАТ Мамошин, человек совершенно определенный, старается подержать Булгакова, "преодолеть одиночество". В его редакции: "Мы должны помочь талантливому драматургу Михаилу Афанасьевичу Булгакову делать шаги". То Афиногенов вдруг заинтересуется... Все время Булгакову "подают сигналы"... А он опять за свое.

В июне 1935 года снова просится за границу. В августе получает отказ. Из прошлой жизни появляется Исая Лежнев. За ним газета "Правда", и совсем в тени — сам Сталин... "Игры" продолжают. Появляются новые люди в его окружении. Разрешают "Ивана Васильевича", разрешают "Пушкина"... Не так, чтоб скоро, но движется к премьере "Мольер". На 1936 год намечаются две пьесы Булгакова на столичной сцене...

Общественность снова взволнована. Она ничего Булгакову не забыла.

ГРИГОРИЙ ФАЙМАН

Москва

Окончание следует.